

Похоже, Пань Шичэн ещё не успел опомниться после звонка Сун Хайлиня и, словно в оцепенении, направился к выходу. В этот критический момент его разум, хоть и немного, но всё же сохранил ясность, заставив подтянуть рукава школьной формы. Телефон плавно соскользнул внутрь, едва сохранив их разговор, стоивший два юаня.

— Ты вообще как устроен? Звонишь мне во время урока, да ещё и на английском! Учительница Леди У и так ко мне не слишком благосклонна, — Пань Шичэн, воспользовавшись моментом, скрылся в туалете, чтобы продолжить разговор.

— Да брось, ты сам виноват, что спишь на уроках, — Сун Хайлинь, едва закончив фразу, поспешил прервать перепалку. — Давай по делу. Я звоню тебе на последние два юаня.

Пань Шичэн зевнул:

— А где твои сбережения? Я же предупреждал тебя перед отъездом, чтобы ты спрятал их получше. Разве не говорил, чтобы ты засунул их в трусы?

— Да иди ты со своими дурацкими советами. Перед отъездом мой отец чуть ли не раздел меня догола, — пожаловался Сун Хайлинь. — Думаю, даже если бы я проглотил деньги, он бы их вытащил. Прятать что-то под его пристальным взглядом — это всё равно что прятать наркотики.

После этих слов продавщица, жующая огурец с соусом и хлебом, бросила на него взгляд.

Пань Шичэн бессердечно хихикнул:

— Директор Сун действительно грозный, не зря я его с детства боялся. Ну как там, в деревне? Небо голубое, воздух чистый, смога меньше?

— Да заткнись ты уже, — с раздражением прервал его Сун Хайлинь. — Слушай, дело важное. Национальная лига уже на носу, а мои товарищи по команде уже почти неделю не слышали от меня ни слова. Ты потом зайди на мой аккаунт и придумай что-нибудь.

— Только не говори, что там даже интернет-кафе нет.

— Да что там интернет-кафе, даже сеть вряд ли есть, — Сун Хайлинь с сомнением огляделся вокруг. — Попадая сюда, начинаешь сомневаться, живём ли мы в XXI веке.

Пань Шичэн снова зевнул:

— Недавно вышел новый 4S, мама мне его купила. Завтра отправлю тебе свой старый телефон.

Хорошие оценки действительно имеют свои преимущества. У него там 4S, а здесь ему приходится «дохнуть и умирать». Сун Хайлинь стиснул зубы:

— Если ты ещё раз зевнёшь, то всосёшь в лёгкие всё, что плавает в туалетном воздухе.

— Ты вообще неблагодарный, я тебе телефон отправляю, а ты меня поливаешь грязью, — Пань Шичэн всё понял. — Молодец, ты просто завидуешь.

— Зависть ослепляет меня, зависть заставляет меня платить злом за добро, — ехидно усмехнулся Сун Хайлинь и выдвинул своё требование. — Оставь себе смартфон, мне без пакета интернета он не нужен. Просто дай мне телефон для пожилых, чтобы звонить.

Пань Шичэн согласился, но, едва открыв рот, чтобы снова вдохнуть «питательные вещества», Сун Хайлинь быстро повесил трубку.

Только после этого он вспомнил, что не сказал ему адрес.

Продавщица, чавкая, грызла огурец, обмакивая его в соус из бобов, и заедала хлебом. Сун Хайлинь поморщился. По его мнению, огурец — это сладкое, а соус — солёное, и вместе они смотрелись нелепо.

Пока он выходил, продавщица продолжала без остановки жевать огурец.

Постояв у входа, он нашёл безветренное место, присел и задумался. Хотел закурить, но, порывшись в карманах, понял, что сигарет нет.

Небо действительно было голубым.

Но дышать было тяжело.

Горные дороги словно полностью изолировали эту деревню, и не только от современной цивилизации, но и от самого человека. Люди, оказавшиеся в ловушке, пытались вырваться, но удавалось это лишь единицам.

Но даже если вырвешься, что тогда? Свобода?

Мечты.

Свобода — это всегда иллюзия.

Если смотреть по-настоящему, то куда можно вырваться? Земля — это огромная тюрьма, и

никто не может избежать этой трёхмерной ловушки.

Люди больше похожи на колонии грибков, ютящиеся в углу тюрьмы. Щели в тюремных дверях достаточно широки, по крайней мере для грибков. Но печально не то, что нельзя вырваться, а то, что можно, но не дойти до края.

Или даже не осознать, что ты в заточении.

Мясная лавка семьи Тянь Чжэ называлась «Мясная лавка Чжэчжэ». По словам его матери, четыре иероглифа «счастья» в названии гарантировали процветание и благополучие.

За последние десять с лишним лет лавка действительно устояла на главной улице волости Циншуй. Недавно отец Тянь воспользовался моментом и арендовал пункт доставки в посёлке, успев поймать волну небольших изменений, и бизнес пошёл в гору.

И действительно, название «Чжэчжэ» оправдало себя.

Но вывеске повезло меньше. Многолетние дожди и ветры содрали иероглифы «Чжэчжэ», оставив только три слова — «мясная лавка».

Когда Су Шэнь вошёл, его инвалидное кресло издало небольшой шум у порога. Тянь Чжэ поднял голову из-за стопки коробок с посылками высотой по пояс и, продолжая расставлять их, сказал:

— Подожди немного.

В лавке смешивались запахи сырого мяса и специй от готовых блюд, резкие и немного раздражающие. Но теперь к ним добавились химический запах клейкой ленты и чернил от коробок, что смягчило первоначальные ароматы.

У двери стояла открытая картонная коробка, в которой лежал маленький котёнок с жёлто-чёрным окрасом. Су Шэнь подобрал его месяц назад, но, так как он боялся кошек и собак, оставил его у Тянь Чжэ.

Тянь Чжэ заботился о котёнке, обустроил коробку с комфортом и даже купил молока.

— Дай ему имя? Нельзя же всё время называть его просто «кот», — Тянь Чжэ, расставляя коробки, маркировал их ручкой.

— Пусть будет... — Су Шэнь постучал пальцами по подлокотнику кресла. — Гудан?

Тянь Чжэ на мгновение замолчал:

— Я теперь переживаю за имя твоего будущего ребёнка...

Не закончив фразу, он сам замолчал, сосредоточившись на маркировке коробок.

Су Шэнь усмехнулся, но без особого выражения.

Тянь Чжэ закончил нумерацию последней коробки, подошёл и похлопал по спинке кресла Су Шэня, толкая его в комнату. По пути он спросил:

— Почему не на уроках?

Су Шэнь молчал.

Тянь Чжэ не стал настаивать. Войдя в комнату, он начал копаться в стопке бумаг рядом с телефоном, говоря:

— Недавно кто-то спрашивал о твоей семье.

— Я знаю, ты уже говорил об этом...

Едва Су Шэнь закончил фразу, Тянь Чжэ повернулся к нему с серьёзным выражением и покачал головой:

— Не тот человек, о котором я говорил раньше.

Су Шэнь слегка нахмурился.

— У того человека был явный акцент, не местный. Я его запомнил, буду следить, — Тянь Чжэ наконец нашёл нужный листок и протянул его Су Шэню. — Тот парень, который спрашивал о тебе раньше, хотел поговорить. Вот его номер.

— Не хочу, — Су Шэнь даже не взглянул на бумагу.

Тянь Чжэ вздохнул и бросил листок обратно в кучу бумаг:

— Ладно, если передумаешь, скажи мне.

Честно говоря, с тех пор как этот человек появился, Су Шэнь чувствовал себя беспокойно. Все эти годы он смирился со своим положением, и вдруг кто-то заявляет, что, возможно, всё, через что он прошёл, было несправедливо. Никто не захочет копаться в этом.

Независимо от того, какая правда откроется, это будет тяжело.

Это как если бы слепому вдруг сказали, что он не родился слепым, а кто-то накрыл его глаза чёрной тканью. Слепой был бы одновременно рад и зол, но затем ему сказали бы, что ткань слишком стара и её уже не снять. Он останется слепым на всю жизнь, и неизвестно, кто именно сделал это.

Просто глупо.

Тянь Чжэ бросил несколько пакетов с конфетами на колени Су Шэня. Тот открыл один, достал две конфеты и показал их Тянь Чжэ. Тот, с выражением, будто только что съел тонну лимонов, поспешно замахал руками:

— Оставь себе.

— Я просто из вежливости, — Су Шэнь посмотрел на него с усмешкой, развернул конфету и положил её в рот.

Подержав обёртку в руках, Су Шэнь медленно произнёс, словно разговаривая сам с собой:

— В последнее время мне часто снятся сны, и я не могу понять, реальны ли те события, которые я вижу. Как так получилось, что я не помню ничего до шести лет?

<http://bllate.org/book/15285/1350480>